

Ветеран Адвентистской Церкви о показательных судах над верующими

Вот уже 30 лет прошло, как не стало большой империи – Советского Союза. Ветеран Церкви адвентистов седьмого дня в Украине, пастор Даниил Буз (1931 года рождения) рассказал о своей жизни и служении во время СССР, поделился опытом веры в сложные годы преследований и рассказал о показательных судебных процессах. Недавно он отмечал юбилей, ему исполнилось 90 лет.

Даниил Романович, каким в Советском Союзе было положение людей, верящих Библии? Обеспечивал ли СССР возможность гражданам, которые были верны стране, верить в Бога?

Государственная идеология Советского Союза была направлена на подавление мышления свободы, искоренение веры в Бога и христианской надежды. Это касалось каждого верующего. Наша семья была верующая, в ней было восемь детей. Мы с первого класса ощутили на себе сильное давление из-за нашей веры. Когда я пришёл в первый класс в 1939 году, меня окружили православные дети и сразу сказали: «Ты не крещён. Мы хотим тебя окрестить». Я очень переживал.

В сороковых годах, когда я пошёл во второй класс, на нас оказывали большое давление. Мы должны были вступить в пионерскую организацию и носить галстуки. Родители учили нас, что верующие не могут быть пионерами и комсомольцами. Мы были научены, что есть Бог. А партия утверждала, что нет никакого Бога, нет никакой духовной силы, что есть только народ, и только человек может управлять всем. Поэтому мы испытывали негодование окружающих.

Когда я учился в школе, учителя занижали нам оценки, говорили: «Вы не будете учиться в институтах, вы обречены на

самоунижение». Открыто говорили нам: «Кто вас пустит? Вы не можете учиться, не можете достигать необходимого уровня, потому что ваша вера этого не допускает». Я заканчивал десятый класс, хотел поступать в ВУЗ. Мне говорили: «Куда вы стремитесь? А кто вас примет?» А я им говорил, что Бог мне поможет.

Вам удалось поступить в институт?

Я закончил десять классов и поступил в Черновицкий медицинский институт. Это было чудо для меня, ведь там конкурс семь человек на место. Школьный аттестат у меня был посредственный. Когда я сдавал вступительный экзамен в институт и только начинал отвечать на вопрос, меня останавливали и говорили: переходите ко второму вопросу. Начинаю отвечать на второй вопрос, и меня опять останавливали: переходите к третьему. И ставили мне отличные оценки. Я был удивлён. Так Бог дал мне поступить в медицинский институт. В этом я увидел Божье Провидение.

Став студентом, я понял, что должен черпать как можно больше знаний, потому что мне не дадут доучиться, как только узнают, что я верующий. Я скрывал свою веру в Бога до времени. С первых дней в институте меня привлекли призывы повышать знания в разных учебных кружках. Я подал заявления в три кружка: философский, хирургический и химический, надеясь всюду успевать. На первом занятии философского кружка заведующий кафедрой марксизма-ленинизма товарищ Малый окинул взглядом студентов и предложил мне быть старостой кружка, а студенты утвердили это решение.

На втором курсе я уже осмелел. Тогда же узнал, что среди студентов есть много верующих, которые так же, как и я, скрывают, что они и их родители верующие. У меня была возможность познакомиться со многими студентами, и через короткое время в институте образовалась группа по изучению Библии из 30 студентов.

Где проходили эти занятия по изучению Библии?

По домам, чтобы никто не знал. Конспирация была большая, но КГБ узнало, что я и Иван Паращук были инициаторами этой группы. Об этом сразу же сообщили руководству института. Секретарь парторганизации подходит ко мне и говорит: «Правда, что Вы верующий?» Говорю: «Да, правда». «Вас решили исключить из института». «Раз решили – исключайте», – ответил я.

После этого, когда я сдавал экзамены на зимней сессии и отвечал на вопросы, мне говорят: «Садитесь. Ответы неудовлетворительны». И на втором экзамене ответ неудовлетворительный. Сразу же по деканату был составлен приказ: «Отчислить за неуспеваемость».

Как Вы это пережили и что было дальше?

Конечно, для меня это был большой удар. Я не мог мириться с этим. Начал требовать создать комиссию. Много жалоб написал по всем инстанциям, но никакого ответа не было. Решил поехать в Москву. Сначала – в редакцию газеты «Комсомольская правда». Редактор меня приняла, я рассказал о своём состоянии. Она сказала: «Мы знаем, что в наших Вузах учится много верующих, но так, чтобы никто не знал об их вере. А если Вы стали предметом огласки, мы ничем Вам помочь не можем».

Получив такой ответ, я поехал в Верховный Совет на приём к Ворошилову. Меня принял пожилой, высокого роста человек, секретарь Верховного Совета СССР товарищ Совков. Этот почтенный мужчина выслушал меня и говорит: «Мы сейчас напишем вам письмо, запечатаем, и вы с ним обратитесь в Киев, в Министерство здравоохранения. И я вас попрошу: что они вам скажут, тем и будьте довольны». Я почувствовал, что он говорит искренно, и пообещал ему исполнить эту просьбу.

Меня приняли в Министерстве здравоохранения. Прочитав письмо, попросили подождать, пока поговорят с руководством института в Черновцах. Прошло немного времени, вышел молодой человек и говорит: «Мы ничего не можем сделать, вся партийная

организация против Вас. Для Вас есть только два выхода. Первое: напишете заявление в редакцию газеты, что Вы отказываетесь от религии, принимаете наше учение, тогда мы будем ходатайствовать о Вашем восстановлении». Я ответил: «Это условие мне не подходит: я не продаюсь. Буду работать ассенизатором, но совести не продам». «Есть ещё второй выход. Поезжайте на целинные земли, покажите, что вы действительно патриот труда. Привезёте хорошую характеристику – мы вас восстановим в институте».

Со вторым условием я согласился, сразу же поехал на целинные земли в Казахстан. Поселился в посёлке Баталпашинске в 120 километрах от города Актюбинска. Устроился разнорабочим в колхозе. В посёлке было много переселённых немцев-меннонитов. Я познакомился с ними, стал посещать их собрания.

За мной следил КГБ. Через три месяца в посёлок приехал полковник КГБ. Меня на улице задержала милиция, повели в участок. Полковник спросил, где я работаю и проживаю, а потом отдал мне приказ выехать из посёлка в течение 24 часов: «Собирайтесь, Вы здесь не нужны».

И так без характеристики я вернулся в Украину. Братья в Украине посоветовали мне отправиться в Ростов на духовную работу. Так в 1958 году я начал служение помощником пастора.

Ваши испытания на этом не закончились? В чем ещё заключались преследования верующих властями?

Для меня самым ярким выражением вмешательства органов власти в духовную жизнь верующих был следующий опыт. Я уже был на духовной работе, мне нужно было жениться. Я был знаком с девушкой из Московской общины. Она училась в мединституте на втором курсе. Мы договорились с ней и подали заявление на регистрацию брака в московском Загсе. Сделали объявление, пригласили гостей на наше бракосочетание, пошли к служителям церкви в канцелярию Всесоюзного совета адвентистов седьмого дня, чтобы договориться о совершении обряда бракосочетания в

церкви 28 августа 1959 года, в среду.

Служители приняли нас вежливо, но после нашей просьбы о совершении обряда бракосочетания в московской общине пресвитер Адам Ликаренко сказал: «Никакого бракосочетания в нашей церкви в среду не будет. Пусть Лидия окончит институт, тогда будем решать. В среду я благословлять вас не буду». После многих просьб я понял, что в этом замешаны внешние силы – КГБ. Я задал вопрос брату Ликаренко: «Если Бог нас благословит, ты не будешь против?» – «Пусть благословляет, я не против», – ответил он.

Прощаясь со служителями церкви, мы пригласили их на наше бракосочетание в город Лабинск Краснодарского края на 2 августа 1959 года. В тот же день мы дали телеграмму в Лабинскую общину, что бракосочетания в Москве не будет, приготовьтесь: оно будет в Лабинске 2 августа.

Мы приехали в Лабинск в пятницу. В субботу нам сообщили, что служители церкви, которые могли совершать обряд бракосочетания, получили запрет выезжать из города. Пастор в Лабинске Валентин Блауберг пришёл к нам с тревогой: «Как всё будет? Я ещё не совершал такого обряда». Ободряя его, я сказал: «Мужайся! Это будет для тебя первый опыт».

В воскресенье к 10 часам утра молитвенный дом был переполнен верующими. Хор приготовился к пению, а жених и невеста – к выходу. Пастор должен был нас вести. Вдруг открывается дверь, и во двор входят непрошенные гости в количестве 14 человек в сопровождении милиции. К нам подошёл мужчина, представился прокурором и приказал: «Обождите!». Я решительно ответил: «Вы обождите. Вы наши гости, а нам ждать нельзя».

Хор запел торжественный псалом, мы пошли за пастором в зал. Тем временем неприглашённые гости закрыли дверь с улицы во двор, чтобы никто не входил и не выходил. Их секретарь по принуждению милиции стала записывать всех присутствующих.

Закончилось служение бракосочетания. Я пригласил всех на

торжественный свадебный обед. Многие братья и сёстры подходили ко мне и спрашивали: «Что делать? Всех нас заставляют записаться». Я дал совет всем записаться, и «чем больше будет записанных, тем лучше». Взял фотоаппарат и вышел, чтобы сфотографировать очередь. Прокурор заслонил собой объектив и попросил не делать снимков.

Тем временем милиционер начал составлять на пастора протокол: он без разрешения власти совершал обряд бракосочетания. В то же время я попросил людей не расходиться, чтобы все подписали акт о том, что органы власти нарушили порядок проведения церковного служения. Я стал требовать незваных гостей продиктовать их паспортные данные, чтобы составить протокол. Прокурор, увидев такое, дал приказ, и все незваные гости оставили двор молитвенного помещения и ушли. А пришедшие на свадебное торжественное собрание, вкушая брачный обед, с радостью благодарили Бога.

Подвергались ли верующие в Советском Союзе судебным преследованиям? Как проходили эти процессы и насколько они были справедливы?

Я был очевидцем и участником судебных процессов над верующими людьми в безбожном обществе. Мне вспоминается одна история: в 1960 году я приехал на родину в Волынскую область и услышал, что в ближайшие дни в городе Бресте будет происходить суд над группой сектантов адвентистов седьмого дня.

Я приехал в Брест на железнодорожный вокзал и вышел на главную улицу. Передо мной предстал большой плакат поперёк улицы: «ПРОИСХОДИТ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ГРУППЕ СЕКТАНТОВ. Клуб железнодорожников. Вход свободный».

Я сразу направился туда. По пути шло много людей, я слышал их разговор: «Сектанты втянули жену милиционера в свою веру, а там на кого выпадет жребий, того приносят в жертву. Выпал жребий на жену милиционера, её готовили к жертвоприношению. На третий день её нашли ещё живой в одном из подвалов». Я молча

следовал за толпой.

Пришёл в клуб, увидел неожиданную картину. Судебный зал был переполнен, в проходах и в вестибюле теснились люди, ожидая открытия суда. Я стоял в проходе и наблюдал за происходящим. Слышу объявление: «Суд идёт!». Все встают.

Оглашают состав суда и имена подсудимых (трое мужчин и три женщины). Слышу вопрос: «Доверяют ли подсудимые своё дело суду?». Подсудимые дают своё согласие. Прокурор читает имена подсудимых и степень их вины. Главное преступление всех подсудимых было выражено прокурором почти одинаково: «В своём доме проводил религиозные собрания, открывал и закрывал собрания, читал молитвы в присутствии несовершеннолетних детей».

После обвинения каждого подсудимого публика громко кричала: «Где жертва?». Последовало объявление: «Не кричите. У кого есть вопросы, подавайте в письменном виде». Сразу посыпалось много вопросов. Я наблюдал, как, прочтя вопрос, судья или прокурор улыбались, а публика ждала ответов.

Прокурор вызывает подсудимого и говорит: «Объясните людям, что вы делаете при открытии и закрытии собрания». Подсудимый встаёт и говорит: «Когда приходит назначенное время, 10 часов утра, я встаю, читаю стих из Священного Писания, объявляю псалом для общего пения и после пения молюсь. Это называется “открыть собрание”. Таким же образом мы и закрываем собрание: поём псалом, молимся». После такого разъяснения значительная часть публики с негодованием оставила судебный процесс, говоря: «Какое же в этом нарушение закона?». В зале суда остались люди, специально посланные от рабочих коллективов и ученики, посланные из школ.

Какова была цель властей? Для чего им был нужен этот процесс?

Я понял, что главная цель суда – выявить методы воздействия родителей на детей, чтобы удержать их в вере в Бога, чтобы они не оставляли церковных собраний. Прокурор спрашивает мать

верующих детей: «Вы заставляете своих детей читать Библию?». Мать отвечает: «Нет. Наши дети учатся от нас и берут с нас пример. Они нам подражают». Из зала реплика: «Нет, это неправда». Прокурор: «А молиться вы их заставляете и учите?». Мать отвечает: «Нет, мы их не заставляем, но они всегда послушны, подражают нам». С другой стороны зала реплика: «Они заставляют». Прокурор: «А вы наказываете своих детей, когда они вам не послушны?». Мать: «Мы своих детей любим. И они нас любят, они добры и послушны».

Прокурор вызывает сына подсудимой, ему лет семь: «Скажи, пожалуйста, каким видом спорта ты любишь заниматься?» «Летом играю в мяч, а зимой катаюсь на коньках». «Бывает ли так, что ты устал, вечером прибежал, лёг в кровать и уснул, а мама или папа тебя будят, чтобы ты с ними помолился?». Мальчик: «Нет, такого не бывает. Я спать не ложусь, не помолившись». Прокурор: «Ты ходишь в школу сам, а в собрание – с папой и мамой. Где тебе больше нравится?». Мальчик: «В школе хорошо и в собрании хорошо». Публика засмеялась.

Судебный процесс длился два дня, я был на нём до конца. Власти специально создавали видимость вины подсудимых в том, что они предоставляли свои помещения для собраний верующих. Судья, прокурор и свидетели обвинения старались доказать вину подсудимых в том, что их религиозные убеждения лишают их детей “счастливого будущего” без Бога.

Суд вынес решение: подвергнуть штрафу всех подсудимых, одних на 300 рублей, других на 500. Вечером того же дня я встретился со всеми подсудимыми. Мы провели благодарственное служение, что за имя Иисуса удостоились понести бесчестье.

Вы сказали, что сами были участником судебного процесса. Как это произошло?

В 1959 году меня перевели на служение в г. Невинномысск Ставропольского края. В 1960 году органы власти узнали о моём служении. Я работал в тарном цеху завода уже более полугода.

Заведующий подозвал меня и предупредил: «Если не выйдете на работу в субботу, я должен буду вас уволить. Мне так сказали».

Я подал заявление об увольнении и поехал на родину. Приезжаю, а хозяйка дома, где мы прописаны, с плачем сообщает: «Пришли из исполкома, забрали домовую книгу и выписали вас. Приказали, чтобы я не пускала вас в дом». Узнав об этом, я пошёл к секретарю исполкома Елисееву и сказал: «На каком основании меня выписали из дома?». Он мне ответил, что там нет жилплощади: «Ищите другую квартиру». А в другой квартире нас не прописывают.

Тем временем меня вызвали в отделение милиции. Я не чувствовал за собой никакой вины. В 5 часов вечера собранных там людей повезли автобусом в сопровождении милиции в городской Центральный дом культуры. Выходя из автобуса, я увидел рекламный щит с надписью: «ПЕРВЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУД В ГОРОДЕ». Тогда я понял, что оказался подсудимым.

Подсудимых посадили на первый ряд, их оказалось много: дебоширы, хулиганы, пьяницы, тунеядцы, воры, насильники и прочие. И я среди них. Начался суд. Прокурор города читает информацию о каждом подсудимом и выносит приговор. Я внимательно слежу за событиями, готовлюсь к выступлению в свою защиту. Прокурор, заканчивая свои выступления, не дал мне слова. Он только объявил, что в нашем городе есть семья Буз, которая нигде не работает, живёт за счёт подачек верующих, их следует высылать за пределы края. На этом суд закончился, всех распустили по домам. Я пришёл домой. Мы поблагодарили Бога.

Как этот приговор повлиял на Вашу дальнейшую судьбу?

Я написал письмо-жалобу в Москву, Никите Сергеевичу Хрущеву, такого содержания: «Уважаемый Никита Сергеевич. Меня, верующего в Бога, судили. Как безгласную жертву, опозорили, оклеветали перед народом в городе и ничего не дали мне сказать в своё оправдание. Такого судилища мир ещё не знал. Прошу Вас, помогите мне. С уважением, Даниил Буз».

Прошло немного времени, меня вызвал секретарь Елисеев и спрашивает: «Вы писали жалобу, что вам на суде не дали сказать слова?». «Да», – ответил я. «Если бы Вам дали слово, Вас бы освистала вся публика. Вы это знаете?». «Может, вы и освистали бы (это ваше право), а я имею своё право на защиту». Елисеев, подумав, сказал: «Вас ещё будут судить и дадут Вам слово».

Через короткое время я с военным билетом в руках постучался в кабинет военного комиссара города. Получив приглашение, зашёл в приёмную. «Что с вами?» – спросил комиссар. «Тяжело мне жить в Советском Союзе: у меня нет Родины. Учиться мне не дали, работать не дают и из города гонят. Какая это Родина? В случае войны мне велят защищать Родину, а у меня её нет». Услышав это, полковник подсел ко мне ближе и полупшепотом спросил:

«Что с вами, молодой человек?». «Я верующий в Бога. За это меня исключили из института, работать не дают и из города гонят». Полковник задумался, потом спрашивает: «А Вы близко с Богом?». «Близко», – ответил я. «Ничем я вам помочь не могу». «Тогда у меня Родины нет, мне защищать нечего. Мне военный билет не нужен». Положив военный билет на стол комиссара, я вышел.

Через несколько дней меня вызвал прокурор города и сказал: «Вы привлекаетесь к уголовной ответственности за отказ от воинской обязанности. Вы демонстративно сдали военный билет». «Это ложь и провокация! Я от воинской обязанности не отказываюсь, но требую восстановить меня в правах гражданина Советского Союза». «Вот вам бумага. Напишите, что вы требуете». Я написал. «Вы свободны», – сказал прокурор.

Через несколько дней меня пригласил к себе военный комиссар и созвал всех своих сотрудников. Я отвечал на множество его вопросов относительно религии. Он отдал мне военный билет, сказав: «Вас пропишут. Работайте. Но если у местных властей будут к вам претензии, то с жалобой не приходите».

Беседовал Максим Балаклицкий

**Оригинальная версия этой статьи была опубликована на сайте:
Мега портал inVictory Так же есть видео на ютубе под
названием: Пастырь**

Все статьи по теме «Страна, которой не стало»